

ПОПАСТЬ в Мозамбик не так-то просто. И дело не столько в географии, сколько в политике. Например, въехать в эту португальскую колонию из Танганьики практически невозможно, хотя с географической точки зрения никаких преград для этого нет. Северная граница Мозамбика закрыта колонизаторами, так как салазаровские власти не хотят иметь дела с независимой Танганьикой. Зато въезд со стороны английской колонии Южной Родезии или расистской Южно-Африканской Республики сопряжен с минимумом формальностей. Вам достаточно присоединиться к потоку автомобилей, следующих из Солсбери или Дурбана на роскошные пляжи, которыми славится побережье Мозамбика, — и вы уже по ту сторону границы. Пропуском служит родезийский или южноафриканский номер машины и белый цвет кожи.

У туристов, направляющихся в Мозамбик, чтобы провести там рождественские или пасхальные каникулы, огромный выбор мест для приятного времяпрепровождения. Вы можете получить свою долю бронзового загара на пляжах Бейры или Райских островов, название которых говорит само за себя. Если вы хотите быть ближе к природе, к вашим услугам остров Базаруто, где вас поселят в бунгало, дадут повара-африканца, который будет готовить для вас рыбу, выловленную в кристально-прозрачной воде Индийского океана. Если вы путешествуете с семьей, то, как уверяет реклама, вам не найти лучшего места, чем остров Санта-Каролина: в этом уютном уголке вы сможете во время отпуска предаваться тихим семейным радостям. Все это, конечно, требует немалых денег, но большинство европейцев в Южной Африке достаточно состоятельно, чтобы позволить себе поездку в Мозамбик.

ДВАДЦАТЬ СТРАНИЦ РАБСКОЙ КАБАЛЫ

Атмосфера покоя и веселой беззаботности, которая присуща всем курортным городам, захватывает вас в первые дни пребывания в Лоренсу-Маркише — главном городе Мозамбика. Синяя ширь океана; тянущиеся на многие мили песчаные пляжи; белые ряды высоких современных домов, ступеньками спускающихся к морскому берегу; виллы европейцев, прячущиеся в темной зелени фламбоянов, манго и других тропических деревьев — все это на первых порах заставляет нас позабыть все тревоги и заботы. А после разреженного высокогорного воздуха Южной Родезии здесь и дышится как-то легче.

Но ощущение праздника длится недолго, оно пропадает внезапно, через несколько дней. Вот как это случилось, например, со мной.

...Рано утром, когда солнце, поднявшееся над Индийским океаном, еще не успело высушить кап-

ли ночной росы на цветах фламбоянов и бугенвиллей, я вышел из гостиницы прогуляться. В этот ранний час даже на центральной магистрали города — проспекте 24 июля — народу было немного. Торопливо шагали темнокожие рабочие, почтальоны, слуги, подметальщики улиц — все, кому приходится вставать рано, чтобы обслуживать европейцев. Да еще какие-то люди стояли группами в тени каменных оград.

Вдруг за моей спиной раздался резкий окрик:

— Кадернета!

Я оглянулся. Ко мне подошел португалец в штатском и, козырнув по-военному, сказал:

— Извините, сударь, это не вам. Вы можете продолжать свой путь.

Тут я заметил, что вместе со мной остановился африканец в шортах и рваной майке, который шел чуть впереди меня.

— Где твоя кадернета? — потребовал португалец, обращаясь к нему.

Африканец извлек из кармана какую-то книжичку и протянул португальцу. Тот хмуро перелистал ее:

— Ну, конечно! Налог не уплачен. Пойдешь с ними.

За его спиной появились два босых темнокожих солдата в красных кепи и куртках цвета хаки, стянутых широким поясом. Они взяли африканца под руки и оттащили к группе людей, стоящих у стены.

— Что тут происходит? — спросил я. — Облава на преступников?

— Ничего особенного, сэр, — ответил португалец. (Он снова был сама любезность.) — Проверка пропусков у туземцев. Обычное дело. Приятной прогулки!..

Так я впервые столкнулся со странными порядками, царящими в Мозамбике. Согласно законам, установленным здесь португальцами, каждому африканцу старше 18 лет, каждому находящемуся в услужении мальчику в возрасте от 12 лет и работающим в городах женщинам выдается пропуск — кадернета. В пропуске 20 страниц. Там есть отпечатки пальцев, фотография, сведения об уплате налогов и месте работы, о семейном положении. Африканец обязан носить такую книжку при себе и предъявлять ее по первому требованию властей. За нарушение этого порядка ему грозит суровое наказание. Впрочем, людям, приехавшим из ЮАР, такие порядки не кажутся странными: там давно уже существуют подобные пропуска.

«МЕЩАНЕ ВО ДВОРЯНСТВЕ»

Разговорившись на веранде фешенебельного отеля «Полапа» с одним старожилом Лоренсу-Маркиша, я узнал, что он прямой потомок великого мореплавателя Васко да Гамы.

Надо было видеть, с какой гордостью объявил об этом мой собеседник! Но, увы, похвалиться высоким происхождением могут лишь немногие

из проживающих здесь европейцев. У большинства родословное древо куда менее пышно. До первой мировой войны большую часть европейского населения Мозамбика составляли уголовные преступники. Каждый год с португальских кораблей сходила очередная партия ссыльных — профессиональные нищие, воры, убийцы. Так как женщин в Мозамбике было мало (в 1887 году в Лоренсу-Маркише жили всего две белые женщины!), ссыльным разрешалось перед отъездом жениться на воспитанницах детского приюта или арестантках из исправительного дома. Потомки этих людей и составляют сейчас элиту мозамбикского общества, надменную, напыщенную, заявляющую о своем превосходстве над окружающими ее африканцами.

Эти «мещане во дворянстве» особенно бахвалятся своим жизненным уровнем. Редкий европеец здесь не имеет несколько слуг в доме, а по числу автомашин на душу европейского населения Мозамбик соперничает с Соединенными Штатами. Парадоксальный факт: жизненный уровень европейцев тут значительно выше, чем в Португалии, и одно время иммиграция из Португалии даже была ограничена имущественным цензом. Богатства, нажитые на эксплуатации дешевого труда африканцев, позволили европейцам быстро забыть о своем прошлом.

Элита не хочет иметь ничего общего с африканцами. Она отгородилась от них непроницаемым барьером. Правда, он менее бросается в глаза, чем цветной барьер, скажем, в ЮАР или Южной Родезии. Он скрыт, замаскирован, но он существует. Прямое указание «только для белых», столь популярное в ЮАР, здесь заменяют более хитро составленные таблички. На почте, например, есть окошечки с надписью «Для телеграмм, подаваемых посыльными» и «Для телеграмм, подаваемых отправителями». Ни один европеец не ошибется при выборе окошечка. Первое предназначено для африканцев, второе — для европейцев. У входа в некоторые гостиницы и рестораны можно увидеть надпись: «Право доступа ограничено». Никто не сомневается, что значат эти слова: африканцам хода туда нет. Формально африканец может ехать в одном автобусе с европейцем, но практически этого не бывает никогда, потому что стоимость проезда в автобусе составляет четвертую часть дневного заработка рабочего-африканца, вот он и вынужден ходить пешком. И так повсюду.

ЦЕНА ЗОЛОТА

— Вы можете не поверить, — говорит мне толстый фазендейро (плантатор), — но в Мозамбике нет смертной казни даже для самых страшных преступников. Мы заставляем их трудиться. Пусть работают, вместо того чтобы торчать за решеткой. Разве это не гуманно?

Мы сидим на веранде его особняка, обвитой плющом и бугенвиллеей. Дом расположен на склоне холма, с которого открывается красивый вид.

Я готов был бы согласиться с фазендейро, если бы к тому времени не знал, как просто коренному жителю Мозамбика оказаться преступником. Закон требует, чтобы каждый африканец представил доказательства того, что он работает. В противном случае он считается преступником и подлежит вербовке на принудительные работы.

«Шибало» — так называют этих людей — вы можете увидеть повсюду: они работают на строительстве дорог, мостов, ремонтируют железнодоро-

жное полотно, таскают тяжелые грузы в портах. Проезжая как-то вдоль побережья, я с ужасом увидел беременную женщину, которая несла на голове корзину с камнем. Она тоже была «шибало».

Менее пяти процентов сельского населения Мозамбика считаются «занятыми производительным трудом». Остальные квалифицируются как «преступные лентяи», даже если у них есть клочок земли, на котором они в поте лица добывают хлеб свой насущный. Все равно — однажды в деревню явится наряд солдат и, схватив десяток самых крепких мужчин, под конвоем отошлет «преступников» на принудительные работы.

Когда-то, гласит легенда, на территории Мозамбика и Северной Родезии существовала сказочная страна Офир, богатая золотом, — о ней упоминается в Библии. Со всех концов света шли сюда корабли за золотыми слитками. Страной правила возлюбленная царя Соломона царица Савская, имя которой связывают с названием реки Саби, протекающей по территории Мозамбика. Легенда о мозамбикском золоте пережила века. И по сей день на дорогах страны вы можете встретить живописные группы европейских старателей. Они ищут здесь золото.

Но сегодня одна из основных статей мозамбикского экспорта — «белое золото», хлопок. Главный хлопкопроизводящий район лежит к северу от реки Замбези. Формально производство хлопка находится в руках африканских крестьян, но практически оно целиком контролируется португальцами. Власти устанавливают каждой семье, включая даже маленьких детей, норму производства хлопка. Хлопок возделывается примитивным способом, так как у крестьян нет ни машин, ни удобрений. С акра крестьянин собирает около четверти того, что дает акр хлопковой плантации в Соединенных Штатах. И все же компании получают огромные прибыли — ведь самим производителям хлопка выплачивают мизерные суммы, в среднем около 2 фунтов 10 шиллингов в год на семью! Вынужденные сокращать посевы продовольственных культур, крестьяне бедствуют. Но они не смеют ни нарушить установленного порядка, ни покинуть родные места, чтобы поискать лучшую долю в других краях.

...Наш автомобиль въезжает в небольшую деревню. Еще издали мы слышим звуки музыки и замечаем толпу празднично одетых людей. Сразу бросается в глаза, что толпа состоит в основном из женщин и стариков. Наш приезд на время прерывает празднество, но потом оно возобновляется. Мы имеем возможность «из первоисточника» услышать знаменитую музыку «чопи», исполняемую на тимбиласах (род африканских ксилофонов). Эта музыка очень популярна не только в Мозамбике, но и далеко за его пределами. Пластинки с записями «чопи» продаются даже в Европе.

Праздник посвящен возвращению нескольких мужчин из ЮАР, с рудников Витватерсранда. Во внешней торговле Мозамбика есть такая необычная статья экспорта — продажа за границу рабочей силы. Между Мозамбиком и Трансваальской горной палатой ЮАР существует специальное соглашение, по которому южноафриканские компании имеют право вербовать в Мозамбике до 100 тысяч человек в год. За каждого завербованного португальские власти получают 1 фунт 17 шиллингов. Кроме того, Португалии разрешено держать на горных разработках своих сборщиков налогов.

Труд в рудниках нелегок, и многие не возвращаются обратно. За последние 50 лет на шахтах

ЮАР погибло 85 тысяч африканских рабочих. Нужно ли удивляться тому, что возвращение каждого шахтера отмечается столь радостно!

Мы поинтересовались, сколько мужчин из этой деревни работает за границей. Оказалось — две трети. Так вот почему в толпе преобладают женщины и старики!.. И горько звучала на этом празднике песня, которую пели жены шахтеров.

*Я — в горе,
Я в большой печали.
Моего мужа завербовали на рудники.
Он не оставил ни одежды, ни еды,
Даже куска черной ткани он не оставил мне...*

МОНУМЕНТ, ДОСТОЙНЫЙ САЛАЗАРА

В центре Лоренсу-Маркиша стоит огромная статуя Салазара. Издали она кажется могучим монолитом, но, если подойти поближе, можно увидеть в скульптуре тщательно заделанные швы. Их происхождение таково. В одну из февральских ночей 1961 года жителей города разбудил сильный взрыв. Кто-то подложил под памятник диктатора взрывчатку, кто — неизвестно: полиции так и не удалось разыскать «злоумышленников».

Этот взрыв потряс португальцев. Он похоронил их веру в эффективность системы колониального угнетения, созданной в Мозамбике. Оказалось, что ни широкая сеть тайных осведомителей, ни специальные камеры, напоминающие деревянные гробы, утыканные изнутри гвоздями, ни клетки из колючей проволоки, куда бросают подозрительных африканцев, не в состоянии запугать их, изолировать от идей национального освобождения.

Белые кварталы переполошились, как растревоженный муравейник. И сейчас в отелях рядом с плакатами, рекламирующими прелести курортов, висят плакаты с призывами вступить в гражданскую гвардию или в кружки по обучению стрельбе из пистолета. А время от времени становится известно о выступлениях африканцев, хотя даже за распространение подобных сообщений полагается тюрьма.

В глубоком подполье действуют патриотические организации африканцев: Национально-демократический союз Мозамбика (УДЕНАМО), Фронт освобождения Мозамбика и другие. От отдельных выступлений они переходят к массовым.

Летом 1963 года в Лоренсу-Маркише вспыхнула забастовка докеров, потребовавших увеличить им заработную плату. Вызванные в порт войска открыли огонь по забастовщикам, было убито 53 человека.

Африканская печать пишет о формировании повстанческих отрядов и создании партизанских военных лагерей на территории Мозамбика и за границей. В апреле этого года появились сообщения о вооруженных выступлениях африканцев против салазаровских войск на севере страны. Здесь действуют вооруженные отряды сторонников Национально-демократического союза Мозамбика.

Взрыв на центральной площади столицы Мозамбика был только эпизодом. Другой взрыв — взрыв народного возмущения, зреющий в этой колонии, — будет мощнее. Он разнесет на куски колониальный режим. И если статую Салазара, разрушенную патриотами, удалось восстановить, то реставрировать этот режим не удастся никогда.

УБИЙЦЫ ПОД ВИДОМ

СОВЕТНИКОВ

ДЖИМ и Аллен — двое из 20 тысяч американцев, хозяйничающих в Южном Вьетнаме. Их называют то советниками, то инструкторами. Чем же они занимаются на самом деле?

Недавно Джим и Аллен вернулись в Сайгон из очередной карательной экспедиции. Вошли в первый попавшийся бар, подошли к стойке. Стоявший за ней вьетнамец низко поклонился.

— Я только что ликвидировал трех коммунистов, — смеясь сказал Джим. — По этому поводу мне и моему дружку Аллену полагается маленькая награда — виски бесплатно. И побыстрее!..

Было уже за полночь, когда пьяные янки покинули бар. Рядом стояло такси. Шофер был не очень-то рад, когда Джим потребовал отвезти их на улицу Пастера. «Это где-то около Аргоннской набережной, — подумал шофер. — Далеко. Район пустынный. Что им там понадобилось? Но ничего не поделаешь — это 70 пиастров...»

Молодой шофер в этот день просидел за рулем уже 11 часов, а заработал всего 312 пиастров — только-только на взнос за аренду машины и на бензин. А ведь дома семья — старуха мать, жена, трое детишек, к которым через шесть недель прибавится четвертый...

На улице Пастера Аллен вышел из машины, огляделся вокруг. Было пусто. Только вдалеке одиноко стоял продавец сигарет. Аллен подал Джиму знак. Тот тоже вышел, спросил шофера, сколько платить. Шофер нагнулся, чтобы прочесть цифры на таксометре, и пуля раздробила ему голову.

Услышав выстрелы, продавец сигарет стал кричать. Вскоре прибежал полицейский-вьетнамец. Его встретили градом пуль. Джим и Аллен, отстреливаясь, скрылись, прихватив с собой вырубку шофера. Это был уже третий такой случай на одной неделе...

Похороны шофера превратились в мощную демонстрацию протеста против бесчинств американских оккупантов. Прорвав полицейский кордон, 320 такси следовали за гробом. Колонна демонстрантов растянулась на целый километр.

Грабители и убийцы — так вьетнамский народ окрестил своих заокеанских «советников». Определение совершенно точное!

Ф. ДАВИДОВ